

Новый тематический сборник Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР посвящен важным, но мало еще разработанным проблемам отображения в фольклоре таких сложных и комплексных по своей сути явлений, как этногенез, этнокультурные связи народов, взаимосвязь словесного фольклора с древнеписьменными памятниками и изобразительным искусством. Он охватывает древнейшую этническую историю народов главным образом Азии и Америки. Главная ценность сборника в том, что большая часть входящих в него статей носит источниковедческий характер и раскрывает ценность фольклорных источников для решения сложных вопросов древнейшей этнической истории народов в основном на том ее этапе, когда отсутствовали (или почти отсутствовали) письменные источники.

Источниковедческий аспект — важный, но не единственный в сборнике. Его материалы дают возможность по-новому осветить и собственно фольклорные проблемы: соотношение фольклора с другими типами исторических источников, собственно фольклорную специфику анализируемых памятников, ареальное изучение фольклора, притом в пределах больших географических и этнических регионов, стадиальную изменчивость сюжетов, мотивов и образов фольклора и т. д.

Сборник в целом свидетельствует о плодотворности сравнительно-исторического метода исследования фольклора, о большом значении пограничных областей науки, лежащих на стыке фольклористики с этнографией, археологией, лингвистикой, эпиграфикой, археографией, антропологией. Все входящие в это издание статьи представляют собою плод самостоятельного исследования, основанного на добросовестном использовании самых разнообразных источников. И хотя в некоторых случаях выводы авторов и могут вызвать несогласие читателей (см. об этом ниже), тем не менее публикация этих работ, безусловно, оправдана, ибо дискуссионность выводов — не недостаток, а достоинство настоящего сборника, побуждающего специалистов к дальнейшему изучению такой еще недостаточно разработанной проблемы, как принципы отображения этнической истории в фольклоре.

Сборник открывается кратким, но емким по содержанию предисловием ответственного редактора Р. С. Липец, подчеркивающей необходимость пересмотра ряда положений фольклористики в свете последних достижений археологии и этнолингвистики, углубления исторической перспективы, вскрытия древнейших пластов жизни народов. Автор совершенно справедливо говорит о том, что изолированное изучение фольклора становится теперь практически невозможным. Лишь привлечение всех смежных с фольклористикой наук дает возможность прийти к полноценным и достоверным в научном отношении выводам.

Статья Л. С. Толстой «Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов (на среднеазиатском материале)» раскрывает глубинные процессы сложных перемещений и смещений отдельных этнографических групп, разнородных по происхождению, главным образом на примере каракалпаков. Статья правильно ставит и решает вопрос об использовании исторического фольклора в качестве исторического источника. Правда, остается неясным, согласен ли автор статьи с С. Н. Азбелевым, различающим предания и легенды (с. 10—11). Интересная графическая схема распространения сармато-сако-массагетских преданий хорошо иллюстрирует значение двуязычия в передаче фольклорных мотивов, о чем в свое время убедительно писала Р. С. Липец¹.

Содержательная статья Е. В. Антоновой и Л. А. Чвырь «Таджикские весенние игры и обряды и индоиранская мифология» представляет собой попытку установления и анализа древнего мифического пласта в современных весенних играх таджиков. Статья основана главным образом на полевых материалах, собранных в свое время Е. М. Пешеревой и одним из авторов статьи — Л. А. Чвырь, давно уже опубликованных, но с этой точки зрения еще не рассматривавшихся. Статья хорошо обоснована ссылками на предшествовавшие исследования и убедительна по общим выводам, хотя и представляется сомнительной правомерность сопоставления таджикского материала с мифом о Зевсе (с. 28), славянской мифологией (с. 36), которые восходят, как принято считать, к совсем другой культурной традиции.

Большая статья Р. С. Липец «Завоеванная женщина в тюрко-монгольском эпосе» основана на широкой источниковой базе. Автор привлек эпические сказания различных народов и, умело сопоставив их между собой, установил общие, присущие этим сказаниям закономерности. Очень выразителен помещенный в статье рисунок — петроглиф Сыын-Чюрека в Центральной Туве — подлинное украшение статьи, которая точно формулирует сложные вопросы хронологизации героического эпоса и связанной с этим специфики его образов и ситуаций. Образ «завоеванной женщины», характерный для героического эпоса различных тюркоязычных и монголоязычных народов, автор относит к эпохе военной демократии и тем самым ставит вопрос о возможности привлечения данного мотива для датировки эпических сказаний. Мотив же «героического сватовства» и образ «предназначенной невесты», столь широко известный в современной фольклористике, автор не считает основными, ведущими для жанра героического эпоса. С подобной точкой зрения можно и спорить. Думается, дело не в том, какому мотиву или образу следует придать большее значение, а в том, что в

¹ Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X век). — В кн.: Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977, с. 228.

одних конкретных случаях и ситуациях на первый план выдвигается один мотив или образ, а в других — другой. К проблемным темам (исследования образа женщины в эпосе, которые автор перечислил в заключении к своей статье) следовало бы добавить также и сопоставление рассмотренных в статье мотивов героического эпоса со сказкой (сравнение с неузнанным сыном, жена-пленница и т. д.). Статья очень интересна и по постановке проблемы, и по ее решению.

Статья П. А. Троякова «Аналогии героическому эпосу тюркоязычных народов в орхоно-енисейских памятниках» представляет собою плодотворную попытку сопоставления эпоса современных тюркоязычных народов с памятниками орхоно-енисейской письменности. Автор подчеркивает не только общность поэтики эпоса и эпиграфики, но и показывает различие в трактовке традиционных образов и мотивов. Наблюдения автора будут полезны для дальнейшей работы над эпиграфическими текстами, которые за последнее время все шире привлекают к себе внимание исследователей².

Работа Г. И. Михайлова «Мифы в исторических сочинениях XIII—XIX вв. монгольских народов» рассматривает связь исторических письменных сочинений монгольских народов (монголов, бурят, калмыков) с архаическим мифотворчеством. Автор находит отголоски первобытных мифов в ряде эпизодов более поздних исторических сочинений. Он хорошо владеет материалом, умело его анализирует и приходит к правильному выводу, что незначительность мифологического слоя в калмыцких и бурятских исторических сочинениях связана с отсутствием многовековой литературной традиции, характерной для монгольских авторов.

Статья Т. А. Гурьева «Историческая основа некоторых антропонимов в осетинском нартовском эпосе» разрабатывает историческую основу нартовского эпоса и тем самым как бы перекликается с известными работами Б. А. Рыбакова, также устанавливающими возможность существования исторических прототипов русских былин. В этом плане она полезна и историку, и фольклористу. Автор настаивает также на ареальном характере нартовского эпоса, на наличии в нем иноэтнической струи. С его выводами можно в целом согласиться, хотя некоторые (вполне, впрочем, понятные) увлечения исследователя и требуют кое-каких корректив. Так, сомнительно утверждение автора, что «ни одно название не попадает в эпическую номенклатуру случайно» (с. 107), — едва ли справедливо начисто отрицать элемент случайности, в том числе и влияние индивидуальности творчества сказителя.

В. Н. Басилов в статье «Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии» выявил отголоски этого культа в легендах, связанных с мотивом неполной смерти. Для своего обзора агиографических легенд автор взял обширный в хронологическом и ареальном охвате Евразийский регион. Он, правда, не оговорил, почему им взята в качестве объекта исследования только христианская и мусульманская агиология. Разве не было подобных же легенд в иных религиозных системах, например в сикхизме? Основное внимание автор сосредоточил на мотиве несения святым своей отрубленной головы, причем он воздерживается от освященного традицией образного термина «бродачый сюжет», подчеркивая этим возникновение подобных легенд на местной почве. Работа В. Н. Басилова вносит некоторые новые моменты в исследование исторических корней религии, в изучение самого механизма культурной преемственности в народном творчестве.

Статья И. С. Гурвича «Ареальное изучение эпических произведений народов Северной Европы и Дальнего Востока СССР» сопоставляет эпос этих народов с этапами этнической истории народов Северо-Востока Сибири. Она, несомненно, будет иметь значение при разработке метода картографирования фольклорных явлений — темы, давно уже привлекающей внимание автора. В результате исследования И. С. Гурвич устанавливает три больших ареала, для которых характерны: 1) зародышевые формы эпоса, 2) ранние формы эпоса, испытавшие влияние южносибирских традиций, 3) развитые формы героического эпоса. Приложенная к статье карта наглядно иллюстрирует выводы автора и показывает географическое размещение этих ареалов. Интересны выводы автора об особенностях героического эпоса народов северо-восточной Сибири, о характере эпических героев и др.

Три статьи рецензируемого сборника посвящены фольклорной специфике мифотворчества индейцев Америки. Первая из них — статья С. Я. Серова «Медведь-супруг (Вариации обряда и сказки у народов Европы и Испанской Америки)» — необыкновенно широка по охвату анализируемого материала. Выполненная в лучших традициях сравнительно-исторического метода, она весьма плодотворна по полученным результатам, полно раскрывает тему. Почти все известные в науке варианты изучаемого автором сюжета в рассматриваемых регионах использованы им и проанализированы. К большой предшествовавшей литературе он отнесся критически, в ряде случаев предложил свою собственную интерпретацию известных ранее фактов. С. Я. Серов хорошо показывает, как на древние местные образы избранного им для анализа сюжета наложился новый в результате контактов американских аборигенов с пришлым испаноязычным населением. Убедителен вывод о причинах широкой популярности данного сюжета в фольклоре разных народов не только Европы и Америки, но также и Сибири, Кавказа, Малой Азии и других регионов.

² Хотелось бы обратить внимание на встречающиеся в некоторых случаях небрежности в оформлении научного аппарата. Ну, что может дать читателю ссылка 1 к статье П. А. Троякова, где просто перечислено 16 имен исследователей XIX—XX вв. В сноске 42 к той же статье нет указания на страницы. В сноске 6 к статье Р. С. Липец нет номера журнала и т. д. В академическом издании это, конечно, нежелательно.

Вторая работа из этой группы — статья Ю. Е. Березкина «Мифология индейцев Латинской Америки и древнейшие фольклорные провинции (Анализ одного мифологического сюжета)» — поднимает важный и сложный вопрос о значении анализа мифов для исследования древнейшей этнической истории индейцев Латинской Америки. Автор правильно отмечает, что полученные им данные не окончательны, что они должны рассматриваться в совокупности с другими фактами лингвистического, этнографического и археологического характера. В то же время следует отметить, что выдвинутая автором гипотеза относительно широкого распространения мифов о герое-мстителе имеет все права на существование. Публикуемые автором карты бытования подобных мифов, равно как и древние изображения, возможно, иллюстрирующие мифы о героях-мстителях, удачно дополняют исследование. Следует всемерно поддержать инициативу автора, указавшего основную литературу по теме статьи (кроме той, что упомянута в примечаниях).

Третья статья — А. Л. Налепина «Проблемы реконструкции мифологических систем (Работы Дж. Д. Кёртина)» — глубокое историографическое исследование, посвященное видному американскому этнографу и фольклористу. Автор подробно изложил метод, применявшийся Кёртином при исследовании мифологических систем, показал его преимущества и верно определил его ограниченность: при всех достоинствах метода Кёртина он, конечно же, не универсален, хотя отдельные наблюдения и выводы этого крупного американского этнолога заслуживают самого серьезного внимания. Заслуга А. Л. Налепина в том, что он извлек из небытия этого интересного ученого, много сделавшего для ознакомления Америки с русским фольклором. Метод Кёртина должен быть учтен теоретической мыслью фольклористики.

Сборник завершает статья В. П. Алексеева «О различии синхронного и диахронного сравнения этнографических явлений». Автор ставит новую в исторической этнографии проблему перенесения на этнографический материал метода дифференцированного синхронного и диахронного подхода. Этот метод, заимствованный из лингвистики, позволяет В. П. Алексееву сделать вывод, что одно синхронное сравнение не может дать точных и бесспорных данных. В то же время и возможности диахронного сравнения, ограниченного узкими хронологическими рамками, также весьма скромны. Выход же за рамки системных структур (таких, как народ или группа родственных народов), по мнению автора, приводит к субъективизму. Что же касается фольклорного материала, то его изучение осложняется своеобразием фольклора как исторического источника, требующего разработки специфических методов исследования.

В целом сборник производит хорошее впечатление. Опубликованные в нем материалы будут полезны историку и этнографу, фольклористу и археологу, филологу и антропологу. Особенно привлекает то, что, как уже было сказано выше, многие статьи характеризуются источниковедческим подходом к изучаемому материалу. Следует заметить, что из основных семи типов исторических источников фольклор — один из наименее изученных именно с источниковедческой точки зрения. Это давно уже отмечено в нашей историографии источниковедения. Встает вопрос: а не настало ли время Институту этнографии АН СССР подумать о создании специального сборника статей, посвященных анализу фольклора с источниковедческой точки зрения? Ведь имеется всего несколько статей, поднимающих эту проблему, но отнюдь не ее решающих. Источниковедение русского фольклора и — шире — фольклора народов СССР и мирового фольклора — область, почти не исследованная. Выход в свет рецензируемого сборника свидетельствует о том, что в Институте этнографии АН СССР сложился достаточно опытный и зрелый коллектив, которому под силу взять на себя разработку этой большой и нужной проблемы.

Л. Н. Пушкарев

НАРОДЫ СССР

В. В. Седов. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982. 325 с. с илл.

В ближайшее время историческая наука обогатится еще одним фундаментальным изданием, посвященным древней и средневековой истории нашей Родины, — 20-томной «Археологией СССР». Пока вышли только три тома, остальные 17 готовятся к печати.

Настоящая рецензия касается одного из томов издания, написанного В. В. Седовым, — «Восточные славяне в VI—XIII вв.» (отв. редактор акад. Б. А. Рыбаков)¹.

Археологические материалы по истории восточного славянства VI—XIII вв., хранящиеся в фондах многих научных учреждений и музеев страны, собирались несколь-

¹ Настоящей монографии предшествует целый ряд работ В. В. Седова, посвященных происхождению и истории восточных славян: Седов В. В. Кривичи. — Сов. археология, 1960, № 1; *его же*. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VII—XV вв.). М.: Наука, 1960; *его же*. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970 (МИА, № 163); *его же*. Анты — В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978; *его же*. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.